

Khelga

Хмели-сунели

Короткие рассказы

12+

Khelga

Хмели-сунели

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42110844
SelfPub; 2019*

Аннотация

Книга коротких рассказов "Хмели-сунели" наряду с серией сборников стихов "Ступени" – первая публикация текстов автора Khelga (псевдоним), творчество которого яркое, увлекательное, не оставляет равнодушным читателя, потрясает, покоряет искренностью чувств, неожиданными метафорами и сравнениями, глубиной проникновения в суть окружающего мира, нестандартным взглядом на темы любовной, философской, пейзажной лирики. Сборник коротких рассказов рассчитан на широкий круг читателей.

Содержание

Бениньи	4
Районное терапевтическое	10
El Perdon	15
Воробьёвы горы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Бениньи

2018 год, март.

На Сан-Марко нет голубей – Сан-Марко подтоплено водой, в которой мочат коленки толстые альбатросы. Туристы толпятся на экспромтных мостках. Задирают головы то на Дворец дождей, то на Башню часов. Прицокивают. Пытаются кормить альбатросов хлебобулочными изделиями. Мы с подругой тоже задираем, прицокиваем, пытаемся.

– Который раз здесь – но как впервые, – задумчиво говорит подруга.

Я впервые. Мне немного больно дышать – настолько чудесна Венеция: сырая, затуманенная, дряхлая, акварельная, серая и розовая, узенькая и путаная, тихонько хвастающаяся компактными антикварными лавчонками и помпезными лакированными гондолами.

На гондолу жалко восьмидесяти евро. Да и зябко: моросит и поддувает. Потому покупаем билеты на речной автобус. Входную дверцу клинит, на помощь тощему автобусному пажу приходит корпулентный капитан. Он очень по-русски бьёт дверцу ногой – та закрывается. Куда-то плывём. Я неустанно прицеливаюсь и неустанно нажимаю кнопку фотоаппарата. Едва не роняю его за борт – восторг зашкаливает, руки трясутся. Блёклое небо, шаткие причалы, узорные крыши, запах водорослей... Нельзя сфотографировать запах

водорослей, как ни старайся.

Подруга трещит про эндемичное заведение, в котором гондольеры в шесть утра пьют кофе.

– Кофе мы уже пили – и до шести утра мы сдохнем от голода, – отвечаю я, – давай пообедаем без гондольеров. Можно же эндемично без гондольеров?

Подруга сияет:

– Ещё как можно! Траттория "Три арки", там только местные едят, и там такая лазанья, что за неё можно душу продать.

Приплываем продавать душу. Подруга бодро прёт по набережной, сворачивает туда и сюда, а потом ещё туда и сюда – и вскоре мы останавливаемся перед искомой тратторией.

– Ну ты даёшь, – восхищаюсь я, – не девка, а робот-навигатор; я бы точно заблудилась!

– Со мной не заблудишься, – самодовольно заявляет подруга.

Внутри светло, тепло, аскетично и опрятно. Плюхаемся за шаткий столик, подзываем официанта. Подруга экспрессивно шепчет:

– Это же Бениньи! Ну вылитый Роберто Бениньи!

– Да, – изумлённо соглашаюсь я, вспоминая старую щемящую трагикомедию "Жизнь прекрасна", где Бениньи выступил и режиссёром, и исполнителем главной мужской роли. Фильм тогда меня потряс – главным образом благодаря мастерству кургузого, нелепого, но невероятно талантливого и

пластичного актёра, который сейчас услужливо наклонился к нашему столу, наострив золотистый карандашик.

– Вам говорили, что вы похожи на Бениньи? – спрашивает подруга у официанта.

– О, да! Иногда я думаю – я и есть Роберто, но я не Роберто, я Марио, наша лазанья великолепна, попробуйте граппу, наша граппа – самая лучшая в Венеции! – официант тараторит, жестикулирует, блестит агатовыми глазами; его неправильный английский очарователен.

Мы заказываем и лазанью, и граппу, и пиццу с прашутой, и белое домашнее вино. Всё оказывается лучшим в Венеции, как и обещал официант. Особенно лазанья.

– Гарфилда бы сюда, – говорю я, посыпая лазанью пармезаном.

Марио-Роберто, заслышав про Гарфилда, пронзительно мяучит из-за стойки.

Объевшись, мы просим счёт. Официант приносит его, напяливши на физиономию очень венецианскую кошачью маску, украшенную стразами да перьями. Где он её сымпровизировал – Бог его знает. Мы хохочем.

– Только для вас, синьоры, только сегодня: Гарфилд Бениньи! – торжественно объявляет официант.

– Можно взять с собой это? Как сувенир? – спрашиваю я, кивая на пару упаковок хлебных палочек, выглядывающих из настольной вазочки.

– Для альбатросов, что ли? – весело шипит подруга.

– Для детей, – шиплю я в ответ, – красивые обёртки, вон, даже и флаги итальянские в наличии.

Подруга трогает официанта за рукав:

– Представляете, у этой стройной женщины в России осталось шестеро голодных детей – ей надо много таких сувениров! Шесть штук таких сувениров!

Гарфилд Бениньи сдёргивает маску и восклицает:

– Правда?!

– Правда. – подтверждаю я и толкаю подругу в бок: – Со всем сдурела?

Гарфилд Бениньи тем временем театрально рыдает:

– У моей жены двое... но она... она похожа на кресло! – и он рисует в воздухе нечто приземистое и квадратное. – А вы, вы!..

И внезапно он рвёт счёт, падает на колени и целует мне руку – тем самым копируя настоящего Бениньи, выигравшего гран-при в Каннах. Я ощущаю себя Мартином Скорсезе. Мэтром и гигантом. Нисколько не похожим на кресло. Кругом аплодируют и улюлюкают местные жители. Но Марио этого мало – он пружинисто вскакивает, несётся в подсобку и вскоре швыряет на наш столик примерно семьдесят упаковок хлебных палочек. Местные продолжают ликовать и хохотать – нам впору раскланиваться и выходить на бис. Уно, дуэ и трэ.

Старательно – уно, дуэ, трэ, куатро, чинкуэ, сэй – отсчитываем сувенирную продукцию. Просим новый счёт. Радуй-

емся тому, что нам простили спиртные напитки. Обнимаем-ся с Бениньи.

Темнеет. Бредём по какой-то улочке по направлению к отелю и улыбаемся – пока подруга не начинает хмуриться и вчитываться в указатели.

– Ты меня сглазила, – укоряет она, – робот, навигатор – трепло ты, Оля! Вообще не понимаю, где мы.

Город обступает нас каменными стенами, становится тесен в плечах. Фонари тусклы. Магазины уже закрыты – но в витринах скалятся бледно подсвеченные чумные маски. Пусто. Веет мистической жутью. Спасения нет.

– Венеция – маленький город, – неуверенно бормочу я, – мы же не можем навсегда потеряться. Да и всякие Бауты померли давно.

– Как знать, – ёжится подруга, – может, и не померли

Мы обе крупно вздрагиваем, когда в переулке раздаются шаги. Но шаги принадлежат не призраку, а современной респектабельной синьоре средних лет. Мы робко останавливаем её и мямлим про пьятца Рома, а дальше мы как-нибудь сами, уно и дуэ...

Синьора доброжелательно и подробно расписывает путь до дальше сами, а потом внезапно откровенничает, что неделю назад она стала бабушкой: дочка родила внука, он такой крупный и кудрявый, он чудо.

– Жизнь прекрасна, – улыбаюсь я.

– Да, – подтверждает синьора. Слабый фонарный свет

нежно акцентируется на её морщинках. У неё замечательные морщинки.

В отеле мы скидываем ботинки, падаем на диванчик, стоим – кто так строит и пропади пропадом каблуки. Включаем телевизор – внутри телевизора Гермiona Грейнджер поитальянски орёт на Рона Уизли. Это очень смешно. Мы чистим апельсин, наливаем в стаканы вино.

Я открываю ставни. Смотрю вверх. Невероятно, но в прогал между домами просачивается ополовиненная луна. Она похожа на сытое брюхо альбатроса. А длинные волнистые облака похожи на водоросли.

Дель арте.

Жизнь.

Жизнь прекрасна.

Районное терапевтическое

Потребовалось посетить участкового терапевта районной поликлиники. Записалась. На восемь сорок восемь утра. Врач Керакасян. Выучила талон наизусть. На всякий случай. В восемь сорок восемь поскреблась в скромную больничную дверцу. Протянула рыхлой, лысеющей пробором, волоокой армянке средних лет выученный талон. Ничего не подозревая.

Армянка между тем нехорошо побагровела и рывкнула

– Вы куда пришли?!

– К вам, – слегка растерялась я, но вспомнила информацию, которую зазубрила и уверенно её озвучила.

– Так я не Керакасян! – закричала терапевтша. – Степанченко заболела! Дежурный врач Степанченко! Я её заменяю! Я до одиннадцати не Керакасян!

– А кто? – глупо спросила я.

– Так Степанченко же! – Керакасян отмахнулась от меня, как от кошки-попрошайки. – Ступайте к терминалу! Возьмите новый талон! К Степанченко!

Я спустилась на пару этажей вниз. На робкие ласки больничный терминал не реагирует. Потому я поцеловала его в засос полисом обязательного медицинского страхования. Несколько раз. Итогом терминал лениво выдал, что запись к участковому терапевту для меня невозможна. Я призвала

разъясняющую медсестру.

– У вас время не вышло, – зевнула медсестра, разобравшись в ситуации и почесав себя подмышкой.

– Какое время и куда не вышло? Я должна помереть? – слегка вскипела я. – Чтобы записаться на приём к Степанченко?

Медсестра мутно на меня посмотрела:

– Терапевт принимает пациента двенадцать минут. Керакосян вас ещё принимает. Ждите.

Я подождала. Возобновила интимные лобзання полиса и терминала. Терминал вновь отказался выдать мне пропуск в кущи.

– Сбой системы. Подождите ещё двенадцать минут, – посоветовала медсестра. Она ошивалась рядом: очевидно, ей стало любопытно.

Я ещё подождала и опять возобновила. Итог был прежним.

– Ну?! – умеренно угрожающе, как не очень плохой парень из боевика, обратилась я к терминалу.

Медсестра совсем проснулась и развеселилась:

– Вы ему не нравитесь. Давайте я попробую!

Она отобрала у меня пластиковый документ, призадумалась, пошептала и вроде бы даже поплевала через плечо. И терминал разродился заветной бумажкой. Медсестра бегло её осмотрела. И просияла лицом

– К Степанченко! Идите, идите!

Я вторично зашла в участковый кабинет. Отдала мимикрировавшей в Степанченко Керакасян свежий талон. Армянка начала изучать его, пошевеливая чудовищно толстыми бровями. Сопоставила изученное с данными моей амбулаторной карты, выпучила глаза, озлилась пуще прежнего:

– Вы же не Завацкая!

Я подтвердила, что не Завацкая и вряд ли ей в ближайшее время стану, ибо замуж за какого-нибудь Завацкого не собираюсь.

– А талон-то! – Терапевтша брезгливо подвинула ко мне бумажку. – Талон-то к Степанченко! Но на Завацкую! Не на вас! Что прикажете с вами делать?!

Тут уже озлилась я и заорала про колдунью-медсестру с ресепшн. И про сбой.

– Опять, значит! Проблемы! – нелогично восторжествовала терапевтша и кинулась звонить по телефону.

Вскоре примчалась ещё одна тучная армянка в белом халате, и они с нынешней Степанченко склонились, тесня друг друга задами и локтями, к стационарному компьютеру.

Про меня забыли. Потом вспомнили.

Компьютерного превращения меня в Завацкую, вероятнее всего, не случилось, потому что Керакасян турнула прочь подмогу и визгливо спросила:

– Что вам?

Необходимую мне справку она с отвращением выписала. Не поинтересовавшись, разумеется, никакими медицински-

ми параметрами моего организма. Но я тем не менее вытащила из файлика бланк ультразвукового исследования некоторых моих внутренних и сказала:

– Тут написано – консультация терапевта. Не могли бы вы...

– Нет! – отрезала Керакасян. Она ткнула богато изукрашенным перстнями пальцем в настенные часы и продолжила: – Вас должен консультировать районный терапевт. Вы что? Не соображаете? Я до одиннадцати не Керакасян! Ступайте к терминалу! Возьмите новый талон! К Керакасян! Тогда я отвечу на эти ваши вопросы про ваши эти УЗИ!

– Я не хочу больше никуда ступать! Я буду сидеть здесь до полуночи! – возразила я.

– Зачем? – удивилась Степанченко-Керакасян.

– В полночь карета превратится в тыкву! А кучер в крысу, что ли! С детства мечтаю на это посмотреть! – заорала я. Развернулась и ушла. Меня потрясывало от странного, приправленного яростью, хихиканья.

На больничном крылечке я задержалась.

Хилый столичный июнь влачил жалкое существование. Но был по-своему прелестен. Солнце смущалось за облаками. С тополей летели ватные клочья. Пахло немного токсичным резиновым покрытием ближайшей детской площадки. И я подумала: было бы здорово, если бы из-за палевого угла районной поликлиники показался древний римлянин Публий Овидий Назон. Он бы присел на ветхие качели, недо-

уменно повёл породистым горбатым носом, сдвинул чуть набок лавровый венок. И, покачивая тощей благородной ногой в аутентичной сандалке, принялся бы сочинять очередную книгу своих "Метаморфоз". Он бы размышлял, к примеру, о Пираме и Фисбе; а в распахнутом окне поликлиники маячила бы врачиха Керакасян, немо укоряя поэта: "А я? Как же я, Публий? Обратите внимание и на меня, Публий! Увековечьте и меня, Публий!"

И Овидий, сдув с губы тополиную вату, вдруг подумал бы: "Блин! А ведь сюжет! Пусть в веках состоится и Золушка Керакасян, волею случая обратившаяся в Степанченко!"

Tempus edax regum*, блин!"

*Всепожирающее время

Овидий, "Метаморфозы"

Текст основан на реальных событиях.

El Perdon

Школьные каникулы. Ноябрьская Турция. Пафосный отель. Плюшевые сосны, атласные бугевиллии. Запахи йода и выпечки. Смуглые аборигены, чуть схваченные солнцем туристы. Серебряное море. Демократичный бар возле пирса. Из динамиков льётся попса. Не Таркан. Очевидно, все эти его шикадамы надоели даже аборигенам. Завсегдатай динамиков – Энрике Иглесиас. Он поёт песню "El Perdon". "El Perdon" по-испански – "прощение".

Вино в основном ресторане так себе: из стандартного туристического трубопровода. Мясо вкусное. На зовы мяса сбегаются кошки, живущие где-то на территории отеля. Сверкают алчными глазами из-под нарядных столов. Хрипло кричат: "Жрать! Жрааать!" Первые дни подкармливаешь, норовя пихнуть кусок побольше беременным особям. Потом приходит понимание: кошки не так голодны, как они об этом орут – ибо они жирные и лоснящиеся. С пониманием приходит раздражение на антисанитарию и ещё на некоего крупного кота, по виду главаря бандитской группировки и хозяина гарема. Он держится достойно. Не трётся о стулья, не строит несчастных рож. Медленно ходит, задрав хвост и красуясь бенгальскими чёрными овалами на бурой спине. И ему за пятна и молчаливость немало перепадает.

Отель стоит на горе, и путь от пляжа до основного ресторана недалек. По этому пути курсируют гостиничные маршрутки – но мы с сыном их частенько игнорируем. Можно брести по кружной тропке, срывать с низких пальм почти зрелые папайи, разбивать плоды о камни и есть. Антисанитарно, конечно – но не более, утешаю себя я, чем наличие безнадзорных зверей в ресторане.

В начале тропы нам встречается котёнок, внешне дитя главаря и хозяина. Индифферентному поведению папаши дитя, однако, ещё не научилось: оно тонко мяучит и униЗИтельно, вприпрыжку, бежит за нами.

– Далеко, – говорю я котёнку, – но если дойдёшь, получишь пайку.

– Он не понимает! – возмущается сын. – И он устал! Давай его в сумку посадим!

– Обязательно, – отвечаю я. – В ресторане я открою баульчик и, как фокусник, вытащу из него сначала котёнка, а потом парочку его блох. И парочку его лишаёв. Чем ещё бродячие животные болеют, не напомнишь?

– Он маленький, мама! – восклицает сын. – И он не может

ничем таким болеть!

– Может, – говорю я. – И по кошачьим меркам он примерно твой ровесник. Ему лет десять-одиннадцать. Почти подросток. Не малыш. Пускай сам топает.

Но котёнок, похоже, действительно утомился. Он замедляет ход у ближайшего бассейна и принимается жадно лакать хлорированную воду.

Я останавливаюсь, жду. Но котёнок, наглотавшись хлорки и потеряв веру в человечество, разворачивается и трусит в обратную сторону. Я пожимаю плечами.

Вечером в богатом холле отеля весьма мило. Официанты носят бокалы. Пианист умело эксплуатирует роскошный рояль. Взрослые пьют, посмеиваются, сражаются в нарды. Дети, не занятые гаджетами, изображают то ли прятки, то ли жмурки, то ли зомби. Практически идиллия.

И вдруг нежную звуковую какофонию вспарывают два жутких вопля: людской и звериный. Звериный быстро затихает. Людской длится пугающе долго. Орёт девочка. Она только что увидела, как крутящейся отельной дверью перебило шею котёнку. Почти отрезало его крохотную, но авантюрную голову.

В холле начинаются беспорядки. Пианист сворачивает импровизации. Отдыхающие спешат к дверям. Кто-то вытирает слёзы девочке, кто-то пытается помочь зверьку. Констатируют его смерть. Возникает турок в алой униформе, тараторит в рацию – прибегает турок в белой униформе. С совком и метёлкой. Я успеваю взглянуть на маленький трупик.

Вижу в толпе сына. Его трясёт. Он с ненавистью смотрит на меня. Он вопит: "Тот самый! А ты могла посадить его в сумку! И ничего бы не случилось! Ничего! Ничего!!! Зачем они вызвали уборщика?! Надо было врача! Ветеринара!!! У него шевелились лапы!!! Несколько секунд!!! Мама, всё из-за тебя!!!"

Я накидываю на сына ветровку, тащу его на улицу. Заказываю у пул-бармена фирменный коктейль: два вида сока, швепс, сироп, вишня. Сын долго ловит губами коктейльную трубочку. Он знает, что он почти подросток. Как котёнок, в раскалённый полдень пивший воду из бассейна. Значит, плакать нельзя. Сын смаргивает слёзы. Пьёт.

– Хочешь сыграть в бильярд? – глупо спрашиваю я.

– С тобой? Ты не умеешь.

– Немного умею. Это был не тот котёнок, понимаешь? Абсолютно другие пятна. Абсолютно.

– Ты врёшь.

– Нет.

Я вру, конечно.

– Ему не было больно. Он не мучился. Всё произошло быстро. Он сейчас на радуге. Когда зверь умирает, он попадает на радугу.

– Что он там делает? Ему там интересно?

– Да. Он пьёт радужные коктейли. Он пробует различать цвета. Потом учит их названия. При жизни ему это не было нужно. Потом он гуляет по каждой из семи дорожек. По фиолетовой можно дойти до луны.

Сын задирает голову. Турецкая луна жирная и лоснящаяся. Как морда лукавой кошки-попрошайки.

– Ты врёшь, – повторяет сын. Но в его голосе неуверенность.

– Нет.

Я не знаю, вру ли я.

Мы играем в бильярд. Сын всё-таки потихоньку плачет. Поэтому проигрывает. Я прихлёбываю вино из трубопровода. Третий бокал. Странно, что проигрываю не я.

Следующим днём я кормлю кошек. Всех. Даже главаря и хозяина. И я шепчу, бросая под стол тушённую в сложном соусе говядину – "El Perdon".

Идиотка.

Воробьёвы горы

– Да! – рывкнула я в телефонную трубку. Хилый паке-
тец, который я перехватила левой рукой, накренился, рискуя
просыпать содержимое на тротуар.

– Ты уже святила куличи? – спросил Сашка.

– Еще нет, – ответила я. До ближайшей скамейки было
метров сто. Из пакета выпал тюбик зубной пасты. – Ты во-
время, как всегда. Я вышла из магазина. У меня все...

– ...валится из рук, – сказал Сашка. – Знаю я эти твои ру-
ки. Я в полпятого заеду, приготовь продукты к освящению.
Яйца, куличи. В церковь на Воробьёвы горы махнем.

Я наконец добрела до скамейки, плюхнулась на нее, с на-
слаждением освобождая запястье от полиэтиленовых пут.

– Махнуть в церковь – это вполне в твоём характере, –
пробурчала я. Я знала: Сашка улыбается.

– Мать чтит традиции, – пояснил он, – если к Пасхе нечто
покрашено, испечено, заизюмлено – просто необходимо по-
брызгать все это специальной водой.

Я потянулась, зажмурилась. Славный выдался день: сол-
нечный, но не помпезный. Без особой яркости. Уютный ап-
рельский флер. Даже ежевесенней покраской уличных по-
верхностей не воняло. Скромному ветру удалось сдуть анти-
санитарные ароматы.

– Еретик ты, Сашка, – укорила я. – Заезжай. И зубную

пасту привези, детский "Колгейт". А то наш "Колгейт" в урне. Из-за тебя.

Наш с Сашкой недороман был настолько хорош, что мы остались друзьями. Идиотское выражение – "остались друзьями", когда мы по окончании того, что толком не началось, сплелись корнями и ветками – общими книжками и киношками, общими шатаниями по моллам в поисках моих намечтанных сапог, общими ночными телефонными скандалами, общими редкими поцелуями в щечку.

Сашка мало изменился с момента нашего знакомства – он был все тот же обожающий экстрим эрудированный симпатяга. Нет, пожалуй, красавчик. Просто я к нему привыкла за много лет. Даже изумлялась – отчего женщины льнут к нему, моему карманному Сашке.

– "Колгейт", – напомнила я, с тоской косясь на пакеты. – И купи еще мне помидоров несколько штук, я про них забыла. И синюю ручку. Никите нечем уроки делать.

Я знала: Сашка улыбается. Но слегка взбешен.

В полпятого я была не готова. Традиционно. Я рылась в шкафах, искала то специальную корзинку для пасхальных яиц, то специальную юбку для церкви. Сашка ныл у входной двери про как всегда и про мать убьет. Никита, получивший три синих ручки, тут же их потерял и вознамерился меня, свою мать, которая тоже убьет, сопровождать. "У меня уже неделю – футбол и футбол, и ни одних роликов", – ныл он в унисон Сашке.

Я нашла корзинку, не нашла юбку, сложила в корзинку глянцевые, обвитые кантиками, изукрашенные наклейками яйца, натянула джинсы. Никита, обутый в роликовые коньки, стоял рядом с Сашкой и жег меня прекрасными очами.

– Уроки! – заорала я.

– Ну мама! – заорал Никита.

– В церковь – в брюках?! – заорал мой муж.

Сашка подцепил кого за шкурку, кого за рукав и потащился вон из дурдома.

Никита сиял. Я отвесила ему подзатыльник. Он не почувствовал, так как от прилежания надел шапку.

Сашка припарковал машину в архаичном двореке:

– Сейчас выйдет. И Маня тоже.

Сашка уже несколько лет жил с Еленой Михайловной. Именно так он называл свою гражданскую жену. Жена, достаточно известный столичный врач-косметолог, была полноватой, ухоженной, властной, истеричной. Раза в полтора, что удивительно, истеричнее меня. От бывшего мужа Елене Михайловне осталась квартира на Плющихе и двое славных малюток. Одна из малюток сейчас бросилась к Сашке:

– Привет, папа!

Она звала Сашку папой. А его мать, и не помышлявшую никогда никого убивать интеллигентную старушку, – бабушкой. Меня немного коробили данные обстоятельства.

Маня по выходным гостила у миролюбивой бабушки. Потому на Воробьевы горы поперся не только школьник Ники-

та, но и дошкольница Маня.

Апрельские Воробьевы Горы прекрасны: голые графичные тополя, байкеры, дрессирующие хромированных зверюг, раскинувшийся внизу игрушечный город блеклых загородных оттенков. И контрасты, и полутона. Я привычно залюбовалась. Сашка опять подцепил меня за рукав.

– Полина Сергеевна купила свечи, – он помахал перед моим лицом кипой охристых свечей, словно стремясь вывести меня из транса. – Она выгуляет детей. Пошли исполнять обряды.

Балансируя корзинами и блюдами, мы вошли за ограду рафинадно-изумрудного Храма Живоначальной Троицы.

На уличной территории церкви толпились люди с просветленными добрыми лицами. На длинных столах тесно стояли круглобокие куличи, как самодельные, так и приобретенные в круглосуточном супермаркете; крашенные яйца поражали затейливостью дизайнов. Сашка сомневался, стоит ли ставить на стол нарядную бадейку с выращенными к Пасхе семенами овса – Полина Сергеевна настаивала, что травке тоже нужно отведать святой воды. Заметив его метания, молодая женщина напротив тихо сказала:

– Пусть здесь будет травка. Пусть попьет.

Сашка благодарно выдохнул и достал зажигалку – зажечь свечи. Я пнула его в бок:

– Ты же бросил курить?!

– Я иногда, – сказал Сашка виновато, – нервы.

Свечное пламя дрожало от ветра, стремилось погаснуть. Приходилось держать ладони домиком, оберегая. Сашка с готовностью щелкал колесиком зажигалки, сотворяя всем желающим краткие трепетные огоньки. Щелястые ладони были ненадежными домиками. Сашка щелкал и щелкал.

– Спасибо Вам, – в который раз сказала женщина, разрешившая овес, – замучили мы вас.

– Нет, что вы, – зажестикублировал руками Сашка. Ближайшие свечи немедленно потухли. – Это не помидоры и не зубная паста. И не пластилин для урока технологии. В два часа ночи.

Я опять ткнула Сашку в бок:

– Тебе что-то не нравится? В два часа ночи?

Женщина вдруг сказала:

– Вы очень, очень красивая пара.

Я сначала оторопела, потом принялась хохотать. Неприлично громко, едва не подвывая. Уткнувшись Сашке в плечо. Тот тоже ржал, притянув меня к себе. Натуральный психоз рядом с Божьим собором накануне Божьего Воскресения. Нервы.

– Я что-то не то брякнула? – распереживалась женщина, теребя платок. – Простите, ради Христа.

– Все нормально, – ответила я, отодвинувшись от Сашки, – просто мы не пара. Я замужем, он замужем. То есть – как это говорится? Хотя, Шурик, ты теперь обязан покинуть

свой замуж и жениться на мне.

– С удовольствием, – ответил галантный Сашка, – прямо сейчас. Давай сейчас?

– Батюшка идет, – зашелестело кругом. Сашка засуетился над свечами.

– Простите, – еще раз виновато сказала женщина, поправляя что-то на своей праздничной тарелке, – вы смотрите, как пара. Или как родные. Или как родная пара. Запуталась я. Вы хорошие, оба. Я знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.